

Это был последний зачет зимней сессии.

Все устали. Наш преп, человек молодой, души не чаявший в своем предмете на пробу оказался весьма лояльным и понимающим. По жизни он был как мы – без понтов. Образ холодного эстета прикрывал душу ранимую и чувствительную.

Мы все сидели в огромной аудитории. Галерка, как всегда, занималась стихосложением. Каждый по строчке от себя до какого-то полного текстового смысла.

К зачету я была в общем-то готова, в голове ворох материала.

Лопе де Вега остался без особого внимания, но забить мозги препу смогу.

Информации уйма, хотя прочитано не все.

Процесс зачета шел обычно, вяло, монотонно. Мой друг Феликс уже сдал, подняв торжествующе руку: “no pasaran”. Мой черед.

– Черт, Лопе де Вега – «Овечий источник”! Какая, блин, лажа, ну да ладно, что-то наплету.

Особой подготовки не требовалось и я сразу ринулась отвечать.

Николаевич писал, слушая и кивая головой в поддержке.

Я была одной из его любимейших студенток. Все шло по накатанному.

И последний традиционный вопрос:

– Вы читали пьесу?

– Простите, не успела.

– Как так, не успела? – Николаевич оторопело взглянул на меня из-под очков. – Пожалуйста, пересядьте на последнюю парту, я с вами еще побеседую.

Это была – когда! Все понятно – быстро не отпустит.

Время тянулось трагически медленно. Зачет сдавало три группы, а посему ждать мне пришлось долго.

За окнами уже сизело, а я все еще сидела в аудитории.

Последний студент.

– Ну вот и все, – Николаевич хрустнул устало суставами пальцев и внимательно посмотрел в мою сторону.

– Подойдите, пожалуйста, садитесь и слушайте. Передо мной прошло три группы студентов...– начал он.

– Все сдавали одно и то же, да?

Он вопросительно посмотрел на меня. Я опустила вниз глаза, зная, что он будет нести.

– Как вы думаете, сколько студентов прочли все?

– Думаю, немного, – ответила я.

– Как вы думаете, я знаю, кто из вас читал, а кто нет?

– Думаю, да.

– Так вот, хочу дать вам совет – никогда не идите против толпы и общепринятых правил. Иначе не выжить! Вы хорошая, принципиальная студентка и вообще красивый человек. У вас все впереди, но для того чтоб выжить, нужно соблюдать правила общества в котором живешь, понятно?

– Да, – глухо ответила я.

Потерев переносицу пальцем под очками, Николаевич как-то поребячески улыбнулся, обнажая свою абсолютную незащищенность и протянул мне зачетку:

– До свидания.

Я вышла, был теплый зимний вечер. Последний зачет сдан. Все позади. Мы никогда уже не встретимся, вот так. Никогда. И мне стало грустно.

Весной вся кафедра хоронила Николаевича. Он свел счеты с жизнью. Все перешептывались между собой, но никто толком ничего не знал. Говорили о сексуальных меньшинствах, о его странном интересе. Видимо свой зачет он завалил с потрохами.